

— Сяо Пэй, ты уже некоторое время в разводе... В разводе нет ничего постыдного. В нашей школе только за последние полгода три учителя развелись, это нормально. Но ты ещё молод, хорошо зарабатываешь, и не должно быть так, чтобы ты всегда был один. Девочке тоже нужен кто-то, кто о ней позаботится. У нас в школе есть учительница, которая недавно развелась, она хорошая...

Су Пэй не пил, поэтому ему пришлось терпеть это в трезвом уме.

Он улыбнулся и сказал:

— Я только что вышел из брака и не хочу так быстро возвращаться. Одному гораздо проще.

Его слова прозвучали так, будто он пытался казаться беззаботным. Это вызвало у его двоюродных братьев намёки на вопросы о том, сколько он зарабатывает как сценарист? Насколько прибыльна киноиндустрия? Действительно ли можно манипулировать актрисами?

В их глазах Су Пэй был ребёнком, которого всегда баловали. В детстве он был милым, а повзрослев, стал красивым, учился в престижных школах, сразу после выпуска опубликовал бестселлер, женился на богатой красавице, а теперь работает сценаристом и знаком со знаменитостями и известными людьми.

Только Су Пэй знал, что реальность была полна изъянов.

Он вспомнил слова госпожи Чжан: «Жизнь — это роскошный халат, покрытый вшами». Это было как нельзя более точное описание.

Все снова начали хвастаться своей работой, говоря «в этом году дела идут плохо» и «условия ужасные», но при этом неявно хвастались новыми домами, машинами или успехами своих детей.

Когда ужин подходил к концу, старик Вэнь сказал:

— Я хочу сказать несколько слов.

Ему было за восемьдесят, он говорил медленно, но чётко. Все сразу замолчали.

Он сказал:

— Наша семья, четыре поколения под одной крышей, это непросто, мы живём в хорошее время...

Все согласились.

Старик Вэнь продолжил:

— Я рад вернуться в этот двор. Это дом. Но я знаю, что после того, как я и ваша мама уйдём, здесь будет трудно собраться.

Несколько сыновей и дочерей тут же сказали:

— Папа, зачем говорить такое в праздник!

Старик Вэнь продолжил:

— Когда вы продадите этот двор, я уже не смогу вмешаться. Я не хочу, чтобы вы, братья и сёстры, ссорились. Сегодня я хочу всё прояснить: деньги от продажи двора будут поделены между вами шестерыми поровну. Ни больше, ни меньше.

Все на мгновение замерли. Оказалось, что сегодня старик решил, пока он ещё в здравом уме и все собрались, разделить наследство.

Су Пэй тоже не ожидал такого поворота. Он наблюдал, как у всех на лицах появились разные выражения. Несколько дядей и тётя явно были недовольны, но тётя сразу же сказала:

— Хорошо, папа, мы все слушаемся тебя.

После этого все остальные тоже заговорили, соглашаясь.

Старик Вэнь добавил:

— А остальные картины и антиквариат я хочу пожертвовать музею. Больше у меня ничего нет!

Эти слова повергли всех в молчание. Лицо старшего дяди потемнело, он чуть не встал, но тётя крепко его удержала.

Су Пэй спас ситуацию, подняв бокал и сказав:

— Давайте все выпьем.

Все поспешно согласились:

— Выпьем, выпьем, — и таким образом этот вопрос был обойдён.

После ужина все смотрели телевизор и играли в маджонг, чтобы встретить Новый год. Су Пэй тётя отвела в сторону, чтобы поговорить с ним наедине.

— Ты должен уговорить старика, он не может пожертвовать те картины и антиквариат, — прямо сказала тётя.

Су Пэй спросил:

— Почему?

Тётя посмотрела на него, как на инопланетянина:

— Почему? Мальчик, у старика настоящие вещи, среди них есть даже подлинник Ци Байши! Ты говоришь, что это можно пожертвовать?

Су Пэй слышал о подлиннике Ци Байши в семье ещё в детстве, он смутно помнил, как видел его на стене, но это были лишь смутные воспоминания.

Его дедушка был жизнерадостным человеком, любившим хвастаться. Правда это или нет, было трудно понять.

Поэтому в детстве он не придавал значения тому, настоящая это картина или нет. Если она настоящая — хорошо. Если нет — можно считать её настоящей, и это тоже приятно.

Теперь Су Пэй понимал чувства тётя — подлинник Ци Байши был очень ценным.

Но если не продавать его на аукционе, картина оставалась просто картиной, её ценность нельзя было измерить деньгами, и просто хранить её было достаточно.

Поэтому он также понимал чувства бабушки — лучше пожертвовать картину музею, чем позволить потомкам продать её неизвестно кому.

Поэтому он не хотел вмешиваться:

— Тётя, вы, старшие, ещё не сказали своё слово, как я, внук, могу уговаривать?

Он мягко отказался.

Тётя сказала:

— Это должен сказать ребёнок. Ты младший внук, старик тебя очень любит. Кроме того, ты и писатель, и сценарист, ты можешь придумать что угодно, чтобы убедить его.

Су Пэй понял, что она неправильно понимает, чем занимаются сценаристы и писатели. Он сказал:

— Тётя, у меня действительно нет таких способностей. Ты же видишь, я даже не могу убедить тебя не просить меня об этом. Как я могу быть хорошим переговорщиком?

Тётя ушла расстроенная.

Су Пэй вышел во двор, чтобы подышать воздухом. Он машинально потянулся за зажигалкой, но вспомнил, что бросает курить.

Он лишь достал телефон.

На экране телефона мигали различные сообщения: группы одноклассников, коллег, друзей, новогодние поздравления и красные конверты.

Он открыл телефон и начал листать контакты.

Хотя вокруг были родственники, он чувствовал себя одиноким. Ему хотелось поговорить с кем-то, кто бы понял его чувства...

Он немного покрутил экран и нажал на имя Хэ Имина, позвонив ему.

Телефон зазвонил дважды, и звонок был сразу же принят.

— Су Пэй? — низкий голос Хэ Имина звучал с лёгкой ноткой радости, что в канун Нового года казалось особенно тёплым.

Су Пэй невольно улыбнулся:

— Хэ Имин, как дела?

Хэ Имин на мгновение замер, затем сказал:

— Ты знаешь, у меня всё как всегда. Только я и моя мама.

Су Пэй знал.

После того как отец Хэ Имина покончил с собой, все родственники поссорились с их семьёй, и всё сводилось к деньгам. Поэтому, когда Хэ Имин разбогател, он расплатился со всеми долгами. Но когда эти родственники снова попытались сблизиться, Хэ Имин, конечно, не обратил на них внимания — он был человеком принципов.

Поэтому на Новый год в доме Хэ Имина было только двое: он и его мать. Обычно он брал мать с собой, чтобы отвлечься.

— Где ты сейчас? — спросил Су Пэй.

Хэ Имин ответил:

— Сегодня днём мы приехали в один из бедных уездов, чтобы навестить одиноких стариков и детей-сирот, занимаемся благотворительностью. Ужин в канун Нового года был здесь.

Су Пэй вздохнул:

— Работать в Новый год — это тяжело.

Благотворительность была частью имиджа компании Хэ Имина, и условия в бедных уездах, конечно, были непростыми.

Голос Хэ Имина звучал с улыбкой:

— Ничего страшного, моя мама была рада. Она даже сказала, что хочет помочь нескольким детям-сиротам. А ты? Принц посетил старый двор?

Су Пэй вздохнул.

Хэ Имин тут же сказал:

— Не вздыхай, Су Пэй, ты отпугнёшь удачу.

Его тон звучал так, будто он успокаивал ребёнка, и он спросил:

— Что случилось? Родственники тебя достали?

Су Пэй ответил:

— Не совсем... Кроме того, что советуют мне снова жениться и знакомят с кем-то.

Хэ Имин кашлянул.

Су Пэй сказал:

— Это не проблема. Проблема в подлиннике Ци Байши в нашем доме.

Хэ Имин на мгновение растерялся:

— Что?

Су Пэй вздохнул:

— Мне бы хотелось, чтобы ты дал совет, и мы могли бы поговорить лицом к лицу.

Хэ Имин сказал:

— Я тоже хотел бы...

Он замолчал, словно сигнал прервался.

— Подожди, я вернусь через пару дней, и мы выпьем вместе, обсудим всё, — сказал Хэ Имин. — Договорились.

Хэ Имин повесил трубку, всё ещё обдумывая разговор.

— Имин, — позвала его мать. — Пойди посмотри на эти пельмени.

Хэ Имин подошёл, его мать вместе с несколькими сотрудниками лепила пельмени. Он спокойно сказал:

— Хорошо, этого хватит на всех.

Его мать была простой женщиной. Даже теперь, когда он мог купить ей целую комнату роскошных вещей, она носила недорогую куртку и обувь из супермаркета, не пользовалась косметикой, а из украшений носила только золотое кольцо.

Когда сотрудники унесли пельмени на кухню, остались только они с матерью. Мать Хэ Имина тут же тихо сказала:

— Как тебе Сяо У? Она такая умная. Как долго она уже работает с тобой?

Хэ Имин был в замешательстве, он до этого дня даже не обращал внимания на эту сотрудницу, она была просто одним из многих.

Он не замечал таких вещей.

Его мать была одержима его женьбой.

— Заяц не ест траву у своей норы, и мне такие не нравятся, — сказал Хэ Имин.

<http://bllate.org/book/16307/1470938>